

СТРОГО СЕКРЕТНО
ДЛЯ СВОИХ ★

ОПЕРАЦИЯ «МУЛЬТИПЛИКАТОР» МИССИЯ В ТАБЛЕТТ-ХАУС

★ Студенческие хроники
стипендиальных битв ★

КОМСОМЛ-
УДАРНАЯ СИЛА
МОЛОДЕЖИ!

$$S = a^2$$
$$E = mc^2$$
$$K = \frac{\text{БАЛЛЫ}}{\text{НОРМА}} \times 3$$

ТАБЛЕТТ-ХАУС
ОБЩЕЖИТИЕ МЕДИКОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
СОРЕВНОВАНИЕ —
ДЕЛО ЧЕСТИ!

ДИСКOTEKA
сегодня в 20:00
ВСЕ СВОИ!

$$K = \frac{\sum \text{активность}}{\sum \text{участие}} \times 3$$

ЦЕЛЬ:
ПЕРВОЕ МЕСТО!

КОЭФФИЦИЕНТ
×3

СОЦСОРЕВНОВАНИЕ

БАЛЛЫ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ПОСЕЩАЕМОСТИ

	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ
Иванов	н				
Петров	н				
Сидоров	н		н		
Кот				н	
Мишик					
Староста					

СТИПЕНДИЯ —
НЕ ПОДАЧКА,
★ А ЗАСЛУГА!

ПЛАН ОПЕРАЦИИ
"МУЛЬТИПЛИКАТОР"

1. АКТИВНОСТЬ
2. УЧАСТИЕ
3. РЕЗУЛЬТАТ

Александр Заборин
Операция «Мультипликатор»:
Миссия в таблетт-хаус.
Хроники стипендиальных битв.

<https://litres.ru/73945184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая глава студенческих хроник. Это ироничная, тёплая ностальгия по восьмидесятым, где вместо конкуренции — соцсоревнование, а «Индекса биг-мака» — «Индекс кофе». Но главные ценности всё те же: дружба и... умение читать мелкий шрифт. Ведь именно это помогло нам победить социализм по инструкции. Супергерой здесь не отличник и не мажор, а комсорг и кот. А куда же без хвостатых, ведь в битву за стипендии brutальных бауманцев вовлечены прекрасные обитательницы таблетт-хауса.

Книга продолжает цикл коротких ироничных рассказов «Забавные уроки обыденной жизни». Это смешные, а порой и нелепые истории из студенческой жизни конца 80-х, в каждой из которых делается попытка разглядеть небольшой, но важный жизненный урок. Теперь о том, чему может научить битва за стипендии.

Прочитайте. Улыбнитесь. Задумайтесь.

Содержание

1. Случайный STARоста: начало	5
2. Министр-администратор: повелитель журнала и раздаватель стипендий	8
3. Ностальгическое отступление: краткий курс стипендиологии	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Операция «Мультипликатор»: Миссия в таблетт-хаус. Хроники стипендиальных битв.

*«В каждой инструкции есть строчка,
которая превращает рутину в
приключение.*

Главное — её не пропустить.»

Авторский афоризм

1. Случайный STARоста: начало

Как я уже упоминал в рассказе «Случайный STARоста», моя официальная студенческая жизнь началась с заметным опозданием. И почти сразу же она решила отыгаться на мне по полной.

Едва я появился на учебном фронте — спустя полторы недели после начала обученческих баталий, — как по какой-то совершенно необъяснимой логике меня, «опоздуна», назначили... старостой.

— Староста? Я?! — эта мысль мелькнула и... застряла в моей голове, как заноза, упорно отказываясь укладываться в

рамки здравого смысла. Я не понимал ни причин столь внезапного «доверия», ни способов от него избавиться.

Что это вообще за зверь — «староста» — я представлял весьма смутно. Точнее, почти никак. Я был, пожалуй, самым неподходящим кандидатом на эту роль: единственный человек в группе, который даже не знал, что такая должность вообще существует. В школе у нас старосты класса попросту отсутствовали как класс.

В предыдущем рассказе я упоминал дочь маминой приятельницы, которая вместе с подругой гостила тем летом у нас в Сочи. Обе — старшекурсницы московских вузов — взяли надо мной своеобразное шефство и с неподдельным энтузиазмом посвящали меня в тонкости студенческой жизни. Ликбез проходил в привычном для курортного быта формате: ленивые разговоры под шум прибоя между купаниями и мороженым. Однако именно эту тему они почему-то дружно обошли стороной. Впрочем, и я не проявил предусмотрительности — как вскоре выяснилось, именно в той области, которая оказалась для меня критически важной. Но, как водится, я задал множество вопросов о жизни студентов — кроме единственного, который действительно имел судьбоносное значение.

Да и, откровенно говоря, кому бы пришло в голову обсуждать подобное? Ни они, ни я не могли даже предположить, что «счастье» столь высокого доверия однажды внезапно свалится именно на мою буйную головушку — куда

более привычную к учебно-спортивным подвигам, чем к общественной нагрузке.

В итоге все мои представления о старостах носили глубоко теоретический характер — причудливую смесь книжных образов и киношных штампов. Я чувствовал себя персонажем какого-то артхаусного фильма абсурда про внезапную социальную мутацию: ещё вчера — рядовой первокурсник-опоздун, а сегодня — некий министр-администратор в стране анархии и студенческой вольницы.

Я, разумеется, предпринял несколько вялых, но вполне искренних попыток увильнуть от «столь высокого доверия». Однако ни деканат, ни «товарищи по партии» — мои однокурсники — отступать не собирались. В итоге все мои манёвры закончились ничем.

Пришлось принять должность в первый же день своего фактического появления в институте — как нечто вроде кармического наказания за фортель с опозданием. Или, если угодно, как вступительный экзамен в совершенно новую, неожиданную жизнь.

И именно с этого нелепого назначения началась история, которая позже получила кодовое название — операция «Мультипликатор».

2. Министр-администратор: повелитель журнала и раздаватель стипендий

Предчувствия меня не обманули: чем глубже я погружался в пучину «старческой» (и вовсе не от слова star) деятельности, тем яснее становилось — эта высокая честь неизбежно сопровождается ещё более внушительным набором почётных обязанностей, щедро приправленных головной болью.

Тем не менее, то ли в силу юношеской беспечности, то ли благодаря врождённому пофигизму, который, как мне тогда казалось, входит в обязательный генетический набор любого южанина, к своему назначению я с самого начала отнёсся без особого пиетета. За имитацией бурной деятельности я старательно маскировал лень и полную некомпетентность, стараясь тратить на всё это минимум сил и своего драгоценного времени.

В результате моя «служба» довольно быстро свелась к двум простым, но очень важным функциям: ведению журнала посещаемости (и то — лишь тогда, когда моя скромная персона удостоивала учебные пары своим присутствием) и раздаче стипендий.

Первое занятие было ежедневным, рутинным и, на мой

вкус, почти безответственным. Даже присутствуя на занятиях, «ЭНки» я ставил неохотно, видя в этом некое доносительство на своих. И уж тем более я не отмечал чужие пропуски, если отсутствовал лично — теперь уже чисто из чувства справедливости. В этой, скажем так, либерально-безответственной трактовке дисциплины меня дружно поддерживала почти вся группа, исповедуя простую и в целом гуманистическую философию: зачем портить статистику посещаемости без острой необходимости?

Мнение меньшинства, представленное одним нашим принципиальным собратом по студенческому цеху по имени Мишик, мы считали допустимым не учитывать — как пренебрежимо малую величину, на уровне статистической погрешности. Так что с этой частью своей «священной миссии» я, как мне искренне казалось, справлялся блестяще — к удовольствию всех... ну, почти всех.

Однако уже на втором курсе наша практически «идеальная» посещаемость начала вызывать у деканата нездоровый интерес. В результате именно Мишик — закоренелый посетитель всех лекций и семинаров, — был назначен моим заместителем. Результат не заставил себя ждать: рапортуемая посещаемость стремительно рухнула даже ниже средне факультетской. Причём дело было вовсе не в том, что наша группа состояла из злостных прогульщиков, и не в том, что другие группы состояли из паинек. Просто Мишик ставил все прогулы всем подряд — включая меня. Да-да, даже сво-

ему непосредственному «начальнику»! Впрочем, к тому моменту ухудшение статистики уже мало кого волновало — по причинам, о которых речь пойдёт ниже.

Вторая часть моих обязанностей была куда более важной, ответственной и, не побоюсь этого слова, доблестной. Раз в месяц я отправлялся в кассу, получал увесистую пачку денег на всю группу и затем торжественно приступал к их раздаче.

Не то чтобы это был великий подвиг, но раздавать реальные деньги, которых всегда катастрофически не хватает, — людям, которых ты едва успел узнать, — все-таки что-то героическое в этом было.

В такие моменты я невольно ощущал себя восточным халифом. Пусть всего на час — зато регулярно, раз в месяц. Современным студентам, привыкшим к безналичным перечислениям, этого, пожалуй, уже не понять. Тогда же передо мной выстраивалась вполне осязаемая очередь страждущих, а я степенно извлекал из пачки денежные купюры и вручал их по одной, тщательно пересчитывая — чтобы никому не досталось ни больше, ни меньше положенного. Ведь у этой восточной сказки были свои строгие ограничения: деньги были подотчётные, а потому щедрость приходилось проявлять исключительно в рамках бухгалтерской дисциплины.

Очередь за получением этой стипендиальной манны, надо сказать, отличалась удивительной организованностью — куда большей, чем на семинарах и лекциях. Даже те, кто хронически опаздывал даже на самую последнюю пару или вовсе

игнорировал занятия, в день раздачи стипендии демонстрировали чудеса пунктуальности. Некоторые даже вызывались сопровождать меня в кассу — и тогда я шествовал туда, как и подобает халифу, в сопровождении почётной свиты.

Со временем, по мере того как мы с одноклассниками всё лучше узнавали друг друга, я начал получать от этого процесса почти искреннее удовольствие. Оказалось, что раздавать деньги друзьям почти так же приятно, как получать их самому.

Огорчало во всей этой ответственной миссии лишь одно: происходило это преступно редко — всего раз в месяц. И в этом со мной была полностью солидарна уже вся группа, включая даже принципиального Мишика.

Но, хоть и раз в месяц, мы все же ощущали себя по-настоящему сказочно. К сожалению, тогда мы ещё не учитывали, что эта сказка — часть советской экономики, со всеми её социальными ориентированностью и ограниченностью, а также логически необъяснимыми перекосами.

3. Ностальгическое отступление: краткий курс стипендиологии

Чтобы современные студенты смогли в полной мере осознать трагизм событий, о которых пойдёт речь, придётся сделать небольшое историческое пояснение — почти археологическую справку о стипендиях нашей молодости.

То, что получают студенты сегодня, в те времена, если бы и называлось стипендией, то, скорее, стипендией не на учёбу, а на проезд. Насколько мне известно, нынешние ежемесячные выплаты едва покрывают стоимость студенческого проездного — по крайней мере в Москве.

В наши же времена это были не просто «деньги на дорогу», а деньги именно на жизнь. Скромно, без излишеств, строго «от сих до сих», но на них можно было вполне существовать — даже не подрабатывая.

Стипендия в её классическом, первоначальном замысле — это денежная выплата, призванная стимулировать студента как можно усерднее грызть гранит науки и как можно активнее участвовать в общественной жизни. Последнее обстоятельство особенно важно для понимания дальнейшего повествования. Проще говоря, стипендия — это плата за то, что ты молодец: и учишься, и в жизни общества участвуешь.

Какие функции выполняют те нищенские выплаты, что

сегодня именуются стипендией, мне понять трудно. На мой взгляд, они едва тянут на компенсацию морального вреда за необходимость вставать к первой паре в любую погоду. Скорее, это просто ритуальная сумма — чтобы современные студенты хотя бы теоретически знали, что деньги можно получать не только от родителей.

Для советского же студента слово «стипендия» ... как много в этом слове для сердца нашего сплеталось, как много в нём в нашей душе отзывалось...

Для наглядности приведу простой пример. Часто для сравнения покупательной способности используют индекс Биг Мака. Но поскольку СССР представлял собой территорию, которую американцы с удивлением описывали как двадцать два с половиной миллиона квадратных километров без единого «Макдональдса», этот индекс к нашей действительности был неприменим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.